

РАЗРЕШЕНЫ ЛИ ЗАГАДКИ АФИНСКОЙ ЭЙСФОРЫ?

Книга молодого датского ученого Томсена¹ является самым большим по объему исследованием, посвященным афинской эйсфоре. Это вовсе не означает, что эйсфорой до сих пор мало интересовались. На эту тему написано много специальных статей и глав или разделов в общих работах по социально-экономической или финансовой истории Афинского государства. Имеющиеся античные свидетельства многократно подвергались всестороннему анализу. Однако до сих пор нет единого мнения по ряду важных аспектов этого вопроса. Разногласия суждений объясняется прежде всего неясностью и противоречивостью античной традиции.

Общепризнано, что эйсфора была экстраординарным прямым налогом, взимаемым с граждан и метеков для покрытия чрезвычайных расходов государства, прежде всего на военные нужды. Известно, что в течение последних десятилетий V и всего IV в. до н. э. ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие в области внешней политики Афин не обходилось без эйсфоры. Источники IV в. до н. э. пестрят упоминаниями об этом налоге, восхвалениями граждан, которые щедро вносили средства на общие нужды, и порицаниями тех, кто всякими способами уклонялся от выполнения своих обязательств. В то же время часто звучат жалобы на обременительность эйсфоры. Имеются косвенные свидетельства того, что народное собрание недостаточно охотно шло на декретирование налога².

В борьбе вокруг эйсфоры отражались внутренние противоречия и социальные контрасты, присущие тому периоду. Один из последних исследователей этой проблемы Сент-Круа предположил своей работе эпиграф: «Эйсфора — один из ключевых вопросов афинской истории IV в. до н. э.»³.

Между тем результаты долголетних исследований не привели к надежным выводам. Специалист по древнегреческой экономике Мичел следующим образом резюмировал состояние изучения эйсфоры: «Проблема в целом изобилует трудностями и дала основание для затянувшейся полемики с резкими расхо-

ждениями во мнениях среди ученых, начиная со времени Бека и до сегодняшнего дня»⁴. Этот неутешительный результат остается в силе и сейчас, спустя четверть века после выхода в свет работы Мичела.

И состояние изучения эйсфоры и значение вопроса делают вполне правомерной новую попытку его рассмотрения⁵.

Работа Томсена отличается большой полнотой в использовании источников и имеющейся литературы. Автор привлек все античные свидетельства, прямо или косвенно связанные с афинской эйсфорой, и огромную литературу вопроса. Все источники цитируются *in extenso*, что позволяет читателю следить за аргументацией автора, проверяя ее обоснованность; греческие тексты сопровождаются английским переводом, который в ряде случаев отражает отличное от общепринятого понимание того или иного текста или слова в нем. Весьма критически относясь к своим многочисленным предшественникам, Томсен в то же время достаточно подробно излагает не только оспариваемые им теории, но и аргументацию их авторов. В работе, таким образом, приводится почти полная сводка имеющегося материала, и она в будущем явится необходимым пособием для всякого, кто сочтет нужным вновь обратиться к проблеме эйсфоры. В этом большое достоинство и бесспорная ценность книги Томсена.

Читается работа с большим интересом, который, правда, несколько ослабевает по мере приближения к концу. Дело в том, что уже на первых страницах дается обещание раскрыть неразрешенные до сих пор загадки афинской эйсфоры и показать, что противоречия в источниках являются лишь кажущимися из-за неправильной их интерпретации. Если учесть, что после долголетних поисков и исследований приходится все же заключать *non liquet* по ряду аспектов эйсфоры, то особенно понятны интерес и внимание, которые привлекают подобные многообещающие заявления. К сожалению, следует сказать, что предлагаемое Томсеном толкование источников и его попытка реконструировать на этом основании систему афинской эйсфоры в ее эволюции отнюдь не убеждают и, несмотря на бесспорные успехи в интерпретации отдельных деталей, проблема в ряде основных

¹ Rudi Thomsen, *Eisphora. A Study of Direct Taxation in Ancient Athens, «Humanitas», III, København, 1964, 276 стр.*

² Эйсфора каждый раз вводилась особым решением народного собрания (Dem. III, 4; XIV, 27; XXII, 48 = XXIV, 161).

³ G. E. M. De Sainte-Croix, *Demosthenes TIMMA and the Athenian EISPHORA in the Fourth Century B. C., «Classica et Mediaevalia», XIV, 1953, стр. 30.*

⁴ H. Michell, *The Economics of Ancient Greece, Camb., 1940, стр. 381.*

⁵ О трудностях в выяснении сущности афинской эйсфоры в IV в. до н. э. см. Л. М. Г л у с к и н а, *Эйсфора в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1961, № 2, стр. 23—28.* Томсену эта статья осталась неизвестной.

чем для более ранних периодов, обращаться к археологии. Этим обусловлена и гипотетичность некоторых выводов В. Д. Блаватского, на что он сам указывает (стр. 203). Однако полностью можно принять основные положения этой главы — о границах Боспора при Тиберии Юлии Савромате II, о состоянии монетного дела и государственной казны, об изменениях социального состава населения Пантикапея, характера его хозяйства и общего облика столицы и др.

Вполне мотивированным представляется указание В. Д. Блаватского на связь кризиса монетного дела в Боспорском царстве с положением денежного хозяйства в Риме, где в это время происходит дальнейшая порча монетного металла и некоторые другие сходные процессы. Очевидно, экономика Боспора была достаточно тесно связана с римской.

Удачное сопоставление нумизматических материалов со свидетельством Зосима о событиях 255 г. н. э. дает автору возможность прийти к выводу о том, «что в первой половине пятидесятих годов на Боспоре произошли большие смуты, позволившие узурпатору Фарсанзу захватить власть, примерно на два года, в какой-то части государства»; скорее всего Фарсанз правил Европейским Боспором, а Рескупорид IV удержался в азиатской части государства (стр. 206).

Всесторонне показаны изменения, которые претерпел Пантикапей в III—IV вв. На основании анализа эпиграфических памятников В. Д. Блаватский делает вывод о росте бюрократического аппарата в Боспорском царстве, что в сопоставлении с данными об уменьшившейся плотности населения столицы приводит его к предположению о «коренной перестройке всего пантикапейского общества к последним десятилетиям III в. н. э.» (стр. 213). В. Д. Блаватский считает, что в это время «двор и магистраты с их семьями и слугами составляли довольно заметную часть обитателей столицы (возможно, $\frac{1}{10}$ или даже $\frac{1}{7}$), а это обстоятельство не могло не накладывать печать на жизнь Пантикапея» (стр. 212).

Очень хорошо в книге прослежены изменения в хозяйстве столицы этого времени. Наметившаяся ранее рустификация города в III в. усиливается, что «заметно изменило характер Пантикапея, который из ремесленно-торгового центра превратился теперь в аграрно-ремесленный, где торговля постепенно теряла свое значение, особенно внешняя» (стр. 214).

Переломным для истории Пантикапея В. Д. Блаватский считает период нашествия готов и союзных с ними племен, которые не только привели к обеднению столицы; видимо, одним из последствий

этих нашествий было изменение вкусов и потребностей пантикапейцев. В частности, надписи, как указывает автор (стр. 216), свидетельствуют об упадке письменности, в чем он видит одно из проявлений все более усиливающейся варваризации Пантикапея и всего Боспора.

Обращаясь к IV в., В. Д. Блаватский отмечает в экономической и культурной жизни столицы усиление тех явлений, которые отчетливо наметились в предшествующем столетии — рустификации города, натурализации его хозяйства, сарматизации художественных вкусов при сохранении в культурном облике пантикапейцев некоторых элементов классических традиций.

Единственное замечание, которое нам хотелось бы сделать, касается правления Фофурса. Говоря об этом времени, известном нам только по данным нумизматики, следовало бы, как нам кажется, упомянуть и о подражаниях медным стерам Фофурса и Рескупорида VI. Опубликовавший их К. В. Голенко считает, что они чеканились не каким-либо из варварских племен, а выпускались на Боспоре по частной инициативе⁸. Но учитывая общую картину хозяйственной жизни Боспора в это время, не следует, как нам представляется, отстранять и первый вариант.

Работа завершается беглым обзором дальнейшей судьбы Пантикапея после нашествия гуннов. В частности, автор обращает внимание исследователей на еще недостаточно изученные материалы раннесредневековых погребений.

Заслуживает похвалы и отличное оформление книги В. Д. Блаватского. В этом, разумеется, прежде всего заслуга самого автора, который сумел удивительно удачно подобрать рисунки — они не только хорошо иллюстрируют его мысли, но многие из них мало известны в нашей литературе.

Монография В. Д. Блаватского наглядно показывает, к каким интересным наблюдениям, важным выводам и широким обобщениям может прийти исследователь, полностью владеющий археологическим материалом и всегда сопоставляющий его с другими источниками.

В заключение хочется пожелать, чтобы монографическое исследование городов Северного Причерноморья было продолжено столь же успешно.

Л. Н. Казамова

⁸ К. В. Голенко, О характере выпуска некоторых монет Фофурса, «Материалы к археологии Пивничного Причерноморья», вып. II, Одеса, 1959, стр. 187—190.

РАЗРЕШЕНЫ ЛИ ЗАГАДКИ АФИНСКОЙ ЭЙСФОРЫ?

Книга молодого датского ученого Томсена¹ является самым большим по объему исследованием, посвященным афинской эйсфоре. Это вовсе не означает, что эйсфорой до сих пор мало интересовались. На эту тему написано много специальных статей и глав или разделов в общих работах по социально-экономической или финансовой истории Афинского государства. Имеющиеся античные свидетельства многократно подвергались всестороннему анализу. Однако до сих пор нет единого мнения по ряду важных аспектов этого вопроса. Разногласия суждений объясняется прежде всего неясностью и противоречивостью античной традиции.

Общепризнано, что эйсфора была экстраординарным прямым налогом, взимаемым с граждан и метеков для покрытия чрезвычайных расходов государства, прежде всего на военные нужды. Известно, что в течение последних десятилетий V и всего IV в. до н. э. ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие в области внешней политики Афин не обходилось без эйсфоры. Источники IV в. до н. э. пестрят упоминаниями об этом налоге, восхвалениями граждан, которые щедро вносили средства на общие нужды, и порицаниями тех, кто всякими способами уклонялся от выполнения своих обязательств. В то же время часто звучат жалобы на обременительность эйсфоры. Имеются косвенные свидетельства того, что народное собрание недостаточно охотно шло на декретирование налога².

В борьбе вокруг эйсфоры отражались внутренние противоречия и социальные контрасты, присущие тому периоду. Один из последних исследователей этой проблемы Сент-Круа предположил своей работе эпиграф: «Эйсфора — один из ключевых вопросов афинской истории IV в. до н. э.»³.

Между тем результаты долголетних исследований не привели к надежным выводам. Специалист по древнегреческой экономике Мичел следующим образом резюмировал состояние изучения эйсфоры: «Проблема в целом изобилует трудностями и дала основание для затянувшейся полемики с резкими расхож-

дениями во мнениях среди ученых, начиная со времени Бека и до сегодняшнего дня»⁴. Этот неутешительный результат остается в силе и сейчас, спустя четверть века после выхода в свет работы Мичела.

И состояние изучения эйсфоры и значенные вопроса делают вполне правомерной новую попытку его рассмотрения⁵.

Работа Томсена отличается большой полнотой в использовании источников и имеющейся литературы. Автор привлек все античные свидетельства, прямо или косвенно связанные с афинской эйсфорой, и огромную литературу вопроса. Все источники цитируются *in extenso*, что позволяет читателю следить за аргументацией автора, проверяя ее обоснованность; греческие тексты сопровождаются английским переводом, который в ряде случаев отражает отличное от общепринятого понимание того или иного текста или слова в нем. Весьма критически относясь к своим многочисленным предшественникам, Томсен в то же время достаточно подробно излагает не только оспариваемые им теории, но и аргументацию их авторов. В работе, таким образом, приводится почти полная сводка имеющегося материала, и она в будущем явится необходимым пособием для всякого, кто сочтет нужным вновь обратиться к проблеме эйсфоры. В этом большое достоинство и бесспорная ценность книги Томсена.

Читается работа с большим интересом, который, правда, несколько ослабевает по мере приближения к концу. Дело в том, что уже на первых страницах дается обещание раскрыть неразрешенные до сих пор загадки афинской эйсфоры и показать, что противоречия в источниках являются лишь кажущимися из-за неправильной их интерпретации. Если учесть, что после долголетних поисков и исследований приходится все же заключать *non liquet* по ряду аспектов эйсфоры, то особенно понятны интерес и внимание, которые привлекают подобные многообещающие заявления. К сожалению, следует сказать, что предлагаемое Томсеном толкование источников и его попытка реконструировать на этом основании систему афинской эйсфоры в ее эволюции отнюдь не убеждают и, несмотря на бесспорные успехи в интерпретации отдельных деталей, проблема в ряде основных

¹ Rudi Thomsen, *Eisphora. A Study of Direct Taxation in Ancient Athens*, «Humanitas», III, København, 1964, 276 стр.

² Эйсфора каждый раз вводилась особым решением народного собрания (Dem. III, 4; XIV, 27; XXII, 48 = XXIV, 164).

³ G. E. M. De Sainte-Croix, *Demosthenes TIMHMA and the Athenian EISPHORA in the Fourth Century B. C.*, «Classica et Mediaevalia», XIV, 1953, стр. 30.

⁴ H. Michell, *The Economics of Ancient Greece*, Cambr., 1940, стр. 381.

⁵ О трудностях в выяснении сущности афинской эйсфоры в IV в. до н. э. см. Л. М. Г л у с к и н а, *Эйсфора в Афинах IV в. до н. э.*, ВДИ, 1961, № 2, стр. 23—28. Томсену эта статья осталась неизвестной.

моментов остается нерешенной и после исследования Томсена.

Прежде чем изложить основные мысли и аргументацию автора, напомним вкратце, как обстояло дело с этим вопросом до появления его труда. Уже более столетия ведутся споры о том, была ли эйсфора прогрессивным или пропорциональным налогом, облагалось ли все имущество налогоплательщиков или только часть его, какова была доля метеков в налоге, степень обременительности его для налогоплательщиков и т. д. Многочисленные нюансы во мнениях в основном все же группируются вокруг двух ведущих теорий, выдвинутых еще в XIX в. Беком и Белохом⁶.

Ключевыми источниками, вокруг которых прежде всего вращаются споры, являются упоминания об эйсфоре в речах Демосфена против Афиона и свидетельство Поллукса (VIII, 129—130). Стремясь доказать, что имущество, оставленное ему отцом, значительно превышало то, что вернули ему опекуны, Демосфен в качестве доказательства величины наследства говорит об эйсфоре, которую платили за него во время опеки. Опекуны платили за него 500 драхм с 25 мин, наравне с Тимофеем и другими богатейшими афинянами, сделали его гегемоном симмории, отнесли его к числу владельцев состояний в 15 талантов, ибо *timema* в 3 таланта соответствует состоянию в 15 талантов⁷.

Эти свидетельства Демосфена очень неясны. Слово *timema* — оценка, ценз — у него как будто означает оценку лишь части имущества (3 таланта из 15). В то же время повторяющееся заявление о 500 драмах с 25 мин говорит о платежах налога с тем же соотношением 1 : 5. Сравнение при этом с афинскими богачами свидетельствует, что не все платили налог по этой расценке. Когда же Демосфен приводит прямые данные об имуществе, оставленном отцом, оно оказывается значительно меньше 15 талантов.

Данным Демосфена противоречит свидетельство лексикографа II в. н. э. Поллукса (VIII, 129—130). Он, правда, не называет эйсфоры, а говорит о платежах в казну (*ἀνελίσκων δὲ εἰς τὸ δημόσιον*). Тем не менее это свидетельство обычно связывают с эйсфорой. По словам Поллукса, три первых цензовых класса Солона платили соответственно талант,

полталанта и 10 мин; феты же ничего не платили. У Поллукса идет речь о твердых, фиксированных, различающихся в зависимости от цензовой группы платежах. У Демосфена — о какой-то доле, равняющейся $\frac{1}{5}$.

В свое время Август Бек пытался объяснить это противоречие в источниках, отнеся их к различным периодам афинской истории. По его мнению, свидетельство Поллукса отражает положение с эйсфорой в конституции Солона. Поллукс правильно связывает размеры налога с цензовыми классами Солона, однако ошибается в цифрах. Земельная рента при Солоне равнялась $8\frac{1}{3}\%$. Поэтому доходам в 500, 300 и 150 драхм⁸ соответствовали состояния в 6 000, 3 600 и 1 800 драхм. Цифры, приводимые Поллуксом, представляют собой облагаемые налогом состояния. У I класса это все состояние, у II — $\frac{5}{6}$, у III — $\frac{5}{9}$. Эйсфора взималась в размере одного и того же процента с *timemata* всех классов, но поскольку *timema* только для I класса была равнозначна всему состоянию, а для II и III — лишь части его, то налог был не пропорциональным, а прогрессивным. Пропорциональная доля цензового класса увеличивалась по восходящей линии и, естественно, убывала по нисходящей.

Что касается свидетельств Демосфена, то они, по мнению Бека, отражают систему взимания эйсфоры, введенную в Афинах в 378/7 г. Прогрессивный характер налога сохранился, но изменилось соотношение. Отныне и имущество I класса включалось в *timema* не целиком, а лишь в размере $\frac{1}{5}$ его. Соответственно *timemata* II и III классов составляли $\frac{4}{25}$ и $\frac{3}{25}$ их состояний. При эйсфоре все платили по-прежнему один и тот же процент от индивидуальной *timema*. Демосфен сообщает, что *timema* оставленного его отцом имущества составляла 3 таланта. Это соответствует состоянию в 15 талантов. Приведенные у Демосфена (XIV, 19) и Полибия (II, 62, 6 сл.) цифры общегреческой *timema* (6 000 талантов у первого и 5750 талантов у второго) включают оценку лишь той части имущества афинян, которая подлежала обложению. Действительные размеры состояний были гораздо большими.

В 80-е гг. XIX в. с развернутой критикой теории Бека выступил Белох. По его мнению, свидетельство Поллукса не относится ко времени Солона, ибо в тот период налоги взимались в натуральной форме. Цифры, приводимые Поллуксом, Белох, подобно Беку, понимает как размеры состояний соответствующих цензовых классов. Однако он исходит из не-

⁶ A. Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener, I³, B., 1886, стр. 555 сл.; K. J. Beloch, Das Volksvermögen von Attika, «Hermes», XX, 1885, стр. 237 сл.; он же, Das attische Timema, «Hermes», XXII, 1887, стр. 371 сл. Подробная сводка существующих мнений дается в упомянутой выше работе Сент-Круа и во II—III главах книги Томсена (стр. 14—37).

⁷ De m. XXVII, 7, 9; XXVIII, 4, 11.

⁸ Бек полагал, что ценз III класса равнялся не 200, а 150 мерам. Одну меру он считал равной драхме на основании сообщения Плутарха (Sol. 23, 3).

сколько много, чем Бек, расчета. Полагая, что чистый доход составлял половину валового сбора, что мера зерна стоила две драхмы, а доход с земли равнялся 8%, Белох определил размеры состояний первых трех классов в 6250, 3750 и 2500 драхм. Он считал, что Поллукс несколько упростил цифры для I и II классов; что касается III класса, то для него солоновский ценз был впоследствии снижен с 2 500 до 1 000 драхм, чтобы увеличить число граждан-гоплитов. В отличие от Бека, Белох утверждал, что при оценке имущества налогоплательщиков учитывалось все состояние, а не только часть его, и что эйфора была не прогрессивным, а пропорциональным налогом. Цифры общеаттической тимема у Полибия и Демосфена соответствуют всему имуществу налогоплательщиков Атики, с учетом намеренного преуменьшения в подававшихся ими декларациях. Наследство Демосфена равнялось 3, а не 15 талантам, во всяком случае так официально оценили его опекуны. Упоминаемые Демосфеном 15 талантов относятся к облагаемому имуществу всей симмории, т. е. группы плательщиков, в которую он входил. В симмории учитывалось только движимое имущество, а недвижимое — в демах. Демосфен сравнивает себя с Тимофеем и другими афинскими богачами потому, что максимальная тимема движимого имущества в симмории равнялась 3 талантам.

Белох справедливо указал на слабые стороны в аргументации Бека, но и в его собственном построении оказалось много уязвимых мест, на что обратили внимание более поздние исследователи вопроса. Критике подвергалось утверждение Белоха, что в симмориях учитывалось только движимое имущество и что состояние Демосфена составляло $\frac{1}{5}$ состояния его симмории. Выдвигались предположения, что у Демосфена идет речь о проэйсфоре — обязанности богатых налогоплательщиков авансировать налог государству — или о гарантиях, которые они должны были давать, или что $\frac{1}{5}$ — это максимальная часть облагаемого состояния, которую богачи могли быть призваны уплатить⁹.

⁹ H. Francotte, *Les finances des cités grecques*, P., 1909, стр. 25 слл.; U. Kahrstedt, *Die athenischen Symmorien*, *Forschungen zur Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts*, B., 1910, стр. 205 слл.; A. H. M. Jones, *The Athens of Demosthenes*, Cambr., 1952, стр. 9 сл.; он же, *Athenian Democracy*, Oxf., 1957, стр. 26 слл.; Sainte-Croix, *ук. соч.*, стр. 30 слл.; P. Guiraud, *Études économiques sur l'antiquité*, P., 1905, стр. 77 слл.; J. Lipsius, *Die attische Steuerfassung und das attische Volksvermögen*, RhM, LXXI, 1916, стр. 161 слл.

Оригинальную, но абсолютно неубедительную гипотезу выдвинул Момильяно¹⁰. По его мнению, богачи должны были кроме основного налога платить еще дополнительный (сoуrтассе), исчислявшийся из $\frac{1}{5}$ тимема. Существовали два вида тимема: оценка всего облагаемого имущества и оценка $\frac{1}{5}$ имущества для дополнительного обложения. Демосфен ловко использовал это и, пытаясь ввести судей в заблуждение, сопоставил второй вид тимема владельцев состояний в 15 талантов со своей основной тимема, равной 3 талантам.

Бездоказательным и противоречащим источникам является и высказывавшееся в литературе мнение, что тимема определялась не размерами имущества, а величиной дохода, что доход богачей облагался в размере $\frac{1}{5}$ (20%), а у более бедных плательщиков — в меньшей пропорции¹¹.

Даже столь краткая и далеко не полная сводка существующих мнений об эйсфоре показывает, сколь сложен и запутан этот вопрос.

Кратко изложив основные суждения своих предшественников, Томсен подвергает их далее критическому разбору, давая свою реконструкцию истории и системы эйсфоры. Он рассматривает вопрос, разрывая хронологические рамки: вначале исследуются принципы эйсфоры в 378/7 г.¹² (стр. 45—104), затем в период Пелопоннесской войны (стр. 105—118), истоки эйсфоры (стр. 119—146), эйсфора в период 428/7 — 378/7 гг. (стр. 147—193), эйсфора после 378/7 г. (стр. 194—249). В заключительной X главе (стр. 250—257) резюмируются результаты всей работы.

Избранный Томсеном порядок рассмотрения материала оправдан тем, что наибольшее число свидетельств об эйсфоре относится к IV в. до н. э. и именно эти свидетельства явились предметом противоречивых толкований.

В вопросе о том, облагалось ли все имущество налогоплательщиков или только часть его, Томсен присоединяется к мнению, что сообщаемая Полибием (II, 62, 6 сл.) цифра — 5 750 талантов —

¹⁰ A. Momigliano, *La eisphora e la Sostanza di Demostene*, «*Athenaeum*», N. S., IX, 1931, стр. 479 слл.

¹¹ J. K. Rodbertus, *Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus*, «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*», VIII, 1867, стр. 453 слл.; W. Schwahn, *Die attische Eisphora*, RhM, LXXXIII, 1933, № 3, стр. 247 слл.; G. Glotz, *Histoire grecque*, P., 1936, II, стр. 636; III, стр. 130.

¹² По свидетельству источников, в 378/7 г. при архонте Навсинике произошло изменение в системе взимания эйсфоры (Dem. XXII, 44; Polyb. II, 62, 6 сл.; Harpocr., Suid. s. v. συμμορία).

соответствует всему облагаемому имуществу афинских налогоплательщиков, представленному в их декларациях. Разбирая упоминания об эйсфоре в речах Демосфена против Афоба, Томсен также вслед за Белохом заключает, что *timema* в 3 таланта (Dem. XXVII, 9) составляла все облагаемое имущество Демосфена, а 15 талантов — это *timema* симмории, куда входил Демосфен. Поэтому опекуны платили за Демосфена $\frac{1}{5}$ налога, падавшего на его симморию. Что касается утверждения Демосфена (XXVII, 7), что опекуны приравнивали его к Тимофею, сыну Конона, и другим богатейшим афинянам, то состояние Тимофея могло в те годы не превышать 3 талантов, ибо у него незадолго до этого были серьезные денежные затруднения в связи с его деятельностью как стратега ([Dem.] XLIV, 11, 17, 27, 67). Заметим, что если даже соображения Томсена относительно дел Тимофея заслуживают внимания, то следующие за упоминанием Тимофея слова: *οἱ τὰ μέγιστα κερταμένοι τιμήματα* «владельцы наиболее высоко оцениваемых состояний» — вряд ли подходят к людям, чье имущество не превышало 3 талантов, тем более, что в другом месте Демосфен прямо говорит, что опекуны в отношении налога приравнивали его к владельцам состояний в 15 талантов¹³. Для разрешения этой трудности Томсен предлагает свой, отличающийся от всех принятых до сих пор перевод этого места (стр. 75 сл.). Обычно предлог *πρὸς* в этом контексте в сочетании с глагольной формой *συετιμήσαντο* переводят — «отнесли (меня) к» (placing in the class of). Томсен же понимает предлог *πρὸς* здесь в смысле «ввиду» (with a view to) и переводит так: «there you have (namely in the depositions which had just been read) the assessment to which these men consented in my name, with a view to establishing a property group of 15 talents» «Вот перед вами (в декларациях, которые только что прочли), оценка, на которую согласились от моего имени эти люди ввиду создания имущественной группы в 15 талантов». При этом переводе получается, что Демосфен сравнивал себя не с владельцами состояний в 15 талантов, а с теми налогоплательщиками, *timema* которых равнялась 3 талантам и составляла $\frac{1}{5}$ *timema* всей симмории. Предложенное Томсеном понимание Dem. XXVIII, 11 противоречит смыслу текста. Предлог *πρὸς* может действительно употребляться в значении «ввиду»¹⁴, однако какое отношение мог-

ли иметь опекуны Демосфена к созданию симмории и к определению ее *timema*? Кроме того, независимо от значения предлога *πρὸς* в нашем тексте, совершенно неприемлем перевод слова *οἶκος* как групп с определенным имущественным цензом — симморий. *Οἶκος* — многозначное слово, но оно всегда определяет индивидуальное, а не коллективное понятие (дом, жилище, состояние) и во множественном числе может означать лишь ряд индивидуальных состояний, а не группы состояний с общей оценкой. Об этой трудности Томсен, к сожалению, умалчивает. Но если неправилен его перевод разбираемого текста, то рушится и концепция о симмории с общей оценкой имущества входивших в нее членов, равной 15 талантам.

Ввиду того, что общегреческая *timema* в IV в. до н. э. составляла 6 000 талантов¹⁵, Томсену приходится постулировать 400 симморий (6 000 : 15). Эта цифра не засвидетельствована ни в одном источнике, и ее можно было бы принять только в том случае, если бы предваряющие послышки были безупречными. Но, как мы видели, теза о том, что оценка имущества каждой симмории равнялась 15 талантам, не доказана Томсеном. Кроме того, фигурирующая в источниках цифра — 300 лиц, авансировавших эйсфору государству (*οἱ τριακοῖσι* или *οἱ προεσφόντες*), не вяжется с числом 400 симморий. Чтобы избежать этой трудности, Томсен утверждает (стр. 213), что эти «триста» не связаны были с симмориями, а назначались по демам. Но поскольку они должны были затем собрать авансированные ими государству деньги, что без симморий было невозможно, Томсен выдвигает предположение, что к каждым пяти *προεσφόντες* прикреплялось для этого восемь симморий (стр. 247)¹⁶. Одна неоправданная гипотеза повлекла за собой другую, столь же необоснованную.

matik der griechischen Sprache, II, 1, Hannover — Leipzig, 1898, стр. 519.

¹⁵ Полибий (II, 62,6 сл.) для 378/7 г. сообщает цифру 5 750 талантов, Демосфен (XIV, 27) в 354 г. говорит о 6 000 талантов. Томсен вслед за большинством исследователей полагает, что цифра 5 750, полученная в результате деклараций налогоплательщиков, была увеличена до 6 000 с учетом явных преуменьшений в них.

¹⁶ По мнению Томсена, каждый из «трехсот» авансировал государству одну и ту же сумму — 40 мин (40 × 300 = 12 000 мин = 200 талантов). Однако этому противоречат слова Аполлодора, у Демосфена, L, 8... *μέρος οὐκ ἐλάχιστον... εἰσενεχθῆναι ἐγὼ ὑμῖν* «Я внес вам (в виде проэйсфоры) немалую долю». Томсен считает, что это преувеличение.

¹³ Dem. XXVIII, 11: Ταῦθ' οὗτοι πρὸς πεντεκαίδεκα τάλαντους οἶκους συνετιμήσανθ' ὑπὲρ ἐμοῦ.

¹⁴ Liddell-Scott, s. v., C. with accus., III, 3b — «with a view to or for a future time»; E. Schwyzer, Griechische Grammatik, II, Münch., 1959, стр. 511; R. Kühner, Ausführliche Gram-

Между тем гораздо более правдоподобным является предположение, основанное на свидетельстве Демосфена (XVIII, 103), что «триста» состояли из трех богатейших членов каждой симмории (*ἡγεμόν, δεύτερος, τρίτος*), число которых равнялось 100. Правда, Демосфен говорит здесь о симмориях для триерархии, но известно, что «триста» привлекались и к проэйсфоре и к другим литургиям¹⁷.

О 100 симмориях упоминает аттидограф Климед¹⁸. Обычно его свидетельство относят к IV в. до н. э. Томсен же на основании слов Павсания (X, 15, 5), что Клидем — самый древний из аттидографов, и того, что последнее датированное событие в сохранившихся его фрагментах относится к 415 г. до н. э., полагает, что Клидем писал в конце V или в начале IV в. до н. э. и его свидетельство о симмориях не отражает системы, существовавшей после 378/7 г. до н. э. Считая свое предположение о 400 симмориях уже доказанным, Томсен приводит его как довод против возможности отнесения свидетельства Климед к более поздней дате.

Следующая гипотеза Томсена заключается в том, что с 428/7 г. до н. э. и вплоть до середины IV в. до н. э. существовал фиксированный постоянный размер эйсфоры — 200 талантов. Эта система была введена в 428/7 г. до н. э.¹⁹. Предположение, что эйсфору и в период опеки Демосфена платили в размере 200 талантов, позволяет, по мнению Томсена, удовлетворительно объяснить повторяющиеся слова Демосфена (XXVII, 7; XXVIII, 4), что опекуны платили за него 500 драхм с 25 мин. Каждая симмория

платила всегда 25 мин налога. При 400 симмориях это дает 10 000 мин ($400 \times \times 25$), т. е. $166 \frac{2}{3}$ таланта. Недостающую до 200 талантов сумму — $33 \frac{1}{3}$ таланта — платили метеки. Это составляет $\frac{1}{6}$ налога, а в источниках действительно упоминается в связи с эйсфорой «одна шестая» метеков (Dem. XXII, 61; IG, II², 244, стк. 20). Это совпадение Томсен считает убедительным подтверждением своей гипотезы (стр. 103: «This striking agreement cannot possibly be accidental»). Надо сказать, что это действительно впечатляет. Однако следует заметить, что гипотеза Томсена основана на речах Демосфена против опекунов, относящихся к 60-м гг. IV в. до н. э., а эйсфора в 200 талантов засвидетельствована только для 428/7 г. до н. э. (Thuc. III, 19, 1).

Трудно согласовать с гипотезой Томсена и то, что сообщает Демосфен о сумме эйсфоры, внесенной за него опекунами. За 10 лет опеки они уплатили всего 18 мин (Dem. XXVII, 37). Томсен полагает, что за это время эйсфору взыскивали четыре или пять раз; каждый раз с Демосфена причиталось 5 мин, а за все время, следовательно, 20 или 25 мин. Опекуны задолжали в казну 2 или 7 мин. В подтверждение этого Томсен ссылается на слова Демосфена о взносах, которых опекуны не сделали²⁰. Однако из текста ясно, что Демосфен упрекает Афоба не за то, что он задолжал казне, а за то, что поставил ему в счет платежи, которых в действительности не внес. В то же время Томсен не обратил внимания на то, что Демосфен, говоря о поставленных ему в счет 18 миных платежей по эйсфоре, тут же великодушно заявляет, что готов засчитать опекунам 30 мин²¹. Отсюда, как нам кажется, следует, что в то время не существовало никакой твердой величины эйсфоры и сумма взносов не была простым арифметическим кратным числу взысканий налога.

Гипотезе Томсена противоречит и другое свидетельство Демосфена — о создании комиссии во главе с Андротрионом для сбора недоимок по эйсфоре. Там говорится, что с архонства Навсинника (378/7 г.) до момента создания комиссии из эйсфоры в 300 с небольшим талантов накопилось 14 талантов недоимок²². Если бы налог каждый раз составлял 200 талантов, Демосфену незачем было бы го-

¹⁷ Например Dem. XXI, 153: *ἡμεῖς οἱ λειτούργοι, ἡμεῖς οἱ προεσφύροντες ὑμῖν.*

¹⁸ Phot. s. v. *ναυκράρια*, FGH, III B, стр. 53, fr. 8: *ὁ Κλειδῆμος ἐν τῇ τρίτῃ φησὶν ὅτι Κλεισθένης δέκα φυλάς ποιήσας ἀντὶ τῶν τεσσάρων, συνέβη καὶ εἰς πεντήκοντα μέρη διαταγῆναι αὐτοὺς ἀ ἐκάστου ναυκράριας ὥσπερ νῦν εἰς τὰ ἑκατὸν μέρη διαίρεθέντας καλοῦσι συμμορίας* «Клидем в третьей книге говорит, что когда Клисфен создал 10 фил вместо 4, они (афиныяне. — Л. Г.) одновременно были разделены на 50 частей, которые называли навкратиями, подобно тому как они теперь разделены на 100 групп, называемых симмориями».

¹⁹ Свидетельство Фукидида (III, 19, 1): *Προσδεόμενοι δὲ οἱ Ἀθηναῖοι χρημάτων ἐς τὴν πολιτικίαν καὶ αὐτοὶ ἐσνεγκόντες τότε πρῶτον ἐσφορὰν διακόσια τάλαντα* об эйсфоре 428/7 г. до н. э. Томсен толкует в том смысле, что тогда впервые (курсив мой. — Л. Г.) ввели систему взыскания налога в размере 200 талантов. Обычное же понимание слова *πρῶτον* в этом контексте — «впервые взыскивали эйсфору» или «впервые — с начала войны».

²⁰ Dem., XXVII, 46: *... καὶ τῶν εἰσφορῶν ἔστιν ἃς οὐ κατέδραχεν, ἐμοὶ δὲ λογίζεται «...»* (Афоб. — Л. Г.) считает мне и те платежи по эйсфоре, которых он не внес.

²¹ Dem. XXVII, 37: *εἰσφορὰς δ' εἰσενήνοχεναι λογιζονται δυοῖν δεούσας εἰκοσι μνᾶς. Ἐγὼ δ' ὀπίσθων καὶ τοῦτο ποιήσω τριάκοντα μνᾶς...*

²² Dem., XXII, 44: *ὑμῖν παρὰ τὰς εἰσφορὰς τὰς ἀπὸ Ναυσινίκου, παρ' ἰσως τάλαντα τριάκοντα ἢ μικρῶν πλείων, ἔλειμμα τέτταρα καὶ δέξ' ἐστὶ τάλαντα.*

ворить в столь неопределенной форме, да и цифра должна была быть кратной 200. Томсен пытается объяснить это тем, что здесь не учтена эйсфора метеков. Если считать, что недоимки, о которых идет речь, накопились за два раза взыскания эйсфоры, то общая сумма налога должна составлять 400 талантов. Если вычесть отсюда $\frac{1}{6}$ долю метеков, равную $66\frac{2}{3}$ таланта, то остается $333\frac{1}{3}$ таланта. По мнению Томсена, у метеков не могло быть задолженности по эйсфоре и речь идет только о недоимщиках-гражданах (стр. 224).

Аргументация Томсена и здесь недостаточно убедительна.

Прежде всего, недоимщики по эйсфоре могли быть и среди метеков. Об этом свидетельствуют слова Демосфена (XXII, 54) об издевательствах, которым Андротион подвергал неплательщиков эйсфоры — граждан и метеков (*ἐδαις καὶ ἔβριζες πολιτὰς ἀνδρώπους καὶ τοὺς ταλαπύρους μετοίκους*). Кроме того, XXII речь Демосфена датируется 355 годом до н. э.²³ Прошло более 20 лет после архонства Навсиника. По расчетам самого Томсена, за это время эйсфора взыскивалась неоднократно. Правда, он полагает, что уже в конце 70-х гг. введена была система проэйсфоры, которая должна была исключить возможность возникновения задолженности государству²⁴. Однако трудно объяснить, почему так долго не взыскивались недоимки (с конца 70-х до 50-х гг. IV в. до н. э.). Ссылка Томсена на Dem. XXII, 48²⁵ для доказательства того, что недоимки собирали и до Андротиона (стр. 225 сл.), не убедительна, так как из дальнейшего видно, что Андротион не заменил смещенного

по его настоянию Евктемона, а убедил народное собрание создать комиссию по сбору недоимок, которую сам и возглавил. Сообщаемая Демосфеном аргументация Андротиона в пользу создания комиссии также противоречит утверждению Томсена о 200 талантах эйсфоры. По словам Демосфена (XXII, 48 = XXIV, 161), Андротион предложил выбрать одно из трех: переплавить священные сосуды, снова взыскать эйсфору или взыскать недоимки. Народное собрание, естественно, избрало третье. А только что сообщалось (XXII, 44), что недоимки к тому времени составляли 14 талантов. Спрашивается, как могли 14 талантов замнить налог в сумме 200 талантов?

Гипотезе Томсена о 200 талантах как постоянной сумме эйсфоры противоречит прямое свидетельство Демосфена, относящееся к 354 г. до н. э. Здесь говорится, что размер эйсфоры определяется каждый раз в зависимости от нужной государству суммы: если нужно 60 талантов, декретируется однопроцентный налог, если 120 талантов — двухпроцентный и т. д. (Dem. XIV, 27). Томсен объясняет это тем, что после Союзнической войны, когда Афины вынуждены были отказаться от активной внешней политики, произошли изменения в системе эйсфоры: *timema* — 6 000 талантов — осталась прежней, но отказались от постоянной суммы — 200 талантов, и каждый раз стали определять размер налога в процентном отношении к общегосударственной *timema*. Однако в источниках нигде нет даже намека на подобную реформу, и единственным основанием для того, чтобы ее постулировать, является несоответствие прямого свидетельства Демосфена гипотезе Томсена.

Таким образом, анализ имеющихся свидетельств об эйсфоре в IV в. до н. э. показывает необоснованность гипотезы Томсена о стабильной величине налога в 200 талантов. Несостоятельно и его положение о 400 симмориях с *timema* в 15 талантов каждая.

Томсен (стр. 112—116) предлагает свое оригинальное толкование упоминавшегося выше свидетельства Поллукса (VIII, 129—130). По его мнению, приводимые у Поллукса цифры обозначают не размеры имущества трех первых ценовых классов Солона, а суммы эйсфоры, которую каждый класс должен был платить в своей симмории. Взнос каждой симмории составлял $1\frac{2}{3}$ таланта ($1 + \frac{1}{2} + \frac{1}{6}$). Это не подходит к постулируемому Томсеном на основании свидетельств Демосфена взносу каждой симмории, равному 25 минам. Поэтому он предлагает отнести свидетельство Поллукса не к IV, а к V в. до н. э., когда симморий было не 400, а 100. Как уже сказано выше, Томсен полагает, что сохраненное у Фотия свидетельство Климента о 100 симмориях (FGH, III B, стр. 53, fr. 8) относится к

²³ Мнения о дате работы комиссии Андротиона расходятся, Томсен присоединяется к тем, кто считает, что она была создана незадолго до 355 г. до н. э. (стр. 204, 219—225).

²⁴ Самое раннее упоминание о проэйсфоре содержится в речи Демосфена, датированной 359 г. до н. э. (L, 8). Однако о группе «трехсот» богатей, которые позднее отождествлялись с *οἱ προεισφέροντες*, упоминается уже в 364/3 г. до н. э. (Isae. VI, 60). Томсен считает, что проэйсфора введена была вскоре после 378/7 г. до н. э., но организация ее на протяжении IV в. до н. э. претерпела некоторые изменения (стр. 206—220).

²⁵ Dem. XXII, 48: *Οὗτος Εὐκτέμωνος φήσας τὰς ὑμετέρας ἔχειν εἰσφοράς... καταλίσσας ψηφισαὶ κληροτὴν ἀρχὴν ἐπὶ τῇ προσάσει ταύτῃ, ἐπὶ τὴν εἰσπραξὶν παρέδωκε* «Он (Андротион. — Л. Г.), заявив, что Евктемон присвоил принадлежащие вам взносы по эйсфоре..., добился решения о смещении избранного жребием должностного лица и сам пробрался к сбору денег».

У или началу IV в. до н. э.²⁶ Если симморий было 100, а взнос каждой составлял $1\frac{2}{3}$ таланта, то получается общая сумма платежа в $166\frac{2}{3}$ таланта ($100 \times \frac{1}{1} + \frac{1}{2} + \frac{1}{6}$), т. е. столько же, сколько платили 400 симморий в IV в. до н. э. И здесь Томсен снова радостно восклицает (стр. 116): «This striking accord leaves no room to doubt that we have really hit upon the correct interpretation of the Pollux passage» «Это поразительное совпадение не оставляет места для сомнений в том, что мы действительно попали на правильную интерпретацию свидетельства Поллукса». Далее Томсен заключает, что в V в. до н. э. система эйсфоры отличалась от более поздней. В V в. до н. э. пропорция налога была разной в зависимости от ценового класса: на долю первого приходилось 100 талантов, на долю второго — 50 талантов, на долю третьего — $16\frac{2}{3}$ таланта. В IV же веке (с 378/7 г.) введена была единая пропорциональная система, при которой каждый налогоплательщик должен был платить сумму, равную $\frac{1}{36}$ его *timema*²⁷. Но и в V (с 428/7 г.) и в IV в. (до 50-х гг.) общая сумма налога оставалась неизменной — 200 талантов. Из них $166\frac{2}{3}$ таланта платили граждане, $33\frac{1}{3}$ таланта — метеки.

Предполагаемое Томсеном толкование свидетельства Поллукса весьма остроумно и представляется наиболее убедительным из всех предлагавшихся до сих пор²⁸. Оно отлично согласуется с гипотезой о 200 талантах, 100 симмориях и «одной шестой» метеков. Однако трудность заключается в том, что неясно, к какому времени относится это свидетельство, и что эйсфора в размере 200 талантов засвидетельствована пока только для 428/7 г. (Thuc. III, 19, 1).

Как уже упоминалось, Томсен рассматривает и вопрос об участии в эйсфоре

метеков (стр. 96—104, 116 сл., 170 сл. 191, 216, 237 сл., 246). Он полагает, что метеки впервые были привлечены к платежам в 428/7 г. до н. э., и присоединяется к мнению, что они платили $\frac{1}{6}$ причитавшейся государству суммы налога и что общегреческая *timema* в 6 000 талантов не включала оценки имущества метеков²⁹. Томсен считает, что на долю каждого плательщика-метека в среднем приходилась более низкая сумма налога, чем на гражданина³⁰, однако бремя метеков было более тяжким, ибо средний материальный уровень плательщика-метека был ниже среднего уровня плательщика-гражданина. С этими положениями Томсена можно согласиться. Недоумение вызывает лишь его утверждение, что из 300 *проϊσφόρωντες* 50 принадлежали к метекам (стр. 216). Единственным основанием для этого служит упоминание о проϊσφόре метеков в надписи второй половины III в. до н. э. (IG, II/III², 835, стк. 7). Однако сам по себе этот факт еще ничего не говорит о положении в IV в. до н. э., тем более о степени участия метеков в проϊсфоре.

Томсен в своей книге пытается воссоздать картину эволюции эйсфоры. По его мнению, эйсфора была введена в Афинах в начале V в. до н. э., при Фемистокле. Вместо 50 навкратий, сменивших при Клисфене прежние 48 (стр. 123 сл.), появились 100 симморий. В начале налог платили только граждане, принадлежавшие к трем первым ценовым классам Солона³¹. Тогда же натуральный ценз Солона был заменен денежным, и ценз зевгитов увеличен был со 150 до 200 драхм, чтобы возросло число фетов, привлекаемых во флот. В 428/7 г. до н. э. произошли изменения в системе эйсфоры. Отменены были льготы метеков, и они отныне стали платить $\frac{1}{6}$ взыскиваемой суммы. Система взимания налога с граж-

²⁶ Гарпократрон, ссылаясь на шестую книгу «Аттиды» Филохора, говорит, что симмории в Афинах впервые были введены при архонте Навсинике (378/7 г. до н. э.). (Нагр. s. v. *συμμορία διηρέθησαν δὲ πρῶτον Ἀθηναῖοι κατὰ συμμορίας ἐπὶ Ναυσινίκου ἀρχόντος ὡς φησὶ Φιλόχορος ἐν τῇ ε' Ἀτθίδος*). Томсен пытается обойти противоречащее его гипотезе слово *πρῶτον*, объявляя его позднейшей эмендацией стоявшего в тексте слова *πρῶτοι*.

²⁷ Эта пропорция вытекает из предположения Томсена, что каждая симмория с *timema* в 15 талантов платила за один раз 25 мин и что доля каждого члена симмории была прямо пропорциональна его *timema*. 25 мин составляют $\frac{1}{36}$ от 15 талантов ($15 \times 60 : 25$).

²⁸ Многие исследователи вообще отвергали свидетельство Поллукса, не будучи в состоянии его удовлетворительно объяснить. Ср. Г л у с к и н а, ук. соч., стр. 24.

²⁹ По поводу $\frac{1}{6}$ метеков также существуют противоречивые суждения: одни полагают, что у метеков облагалась $\frac{1}{6}$ их имущества, другие — что метеки должны были уплатить в виде эйсфоры $\frac{1}{6}$ их имущества, третьи — что метеки платили налог в той же пропорции, что и граждане, плюс еще $\frac{1}{6}$ причитавшейся с них суммы. Ср. Г л у с к и н а, ук. соч., стр. 35 слл.

³⁰ По его расчетам (стр. 170—172) число граждан-налогоплательщиков равнялось 22 000, а число метеков — 6 000. Если разделить $166\frac{2}{3}$ таланта на 22 000, получится $45\frac{5}{11}$ драхмы, а $33\frac{1}{3}$ таланта, деленные на 6000, дадут $33\frac{1}{3}$ драхмы.

³¹ Свидетельство Диодора (XI, 43,3) о том, что Фемистокл освободил от налогов метеков и ремесленников (*ἐτείσσε δὲ τὸν δῆμον... τοὺς μετοίκους καὶ τοὺς τεχνίτας ἀτελεῖς ποιῆσαι...*), Томсен связывает с эйсфорой.

дан отразилась в свидетельстве Поллукаса (VIII, 129—130). Более богатые налогоплательщики вносили большие суммы, и налог по существу был прогрессивным. Эйсфора в это время была налогом с имущества, хотя основой для распределения платежей был солоновский ценз, определявшийся по доходу. Общая сумма налога, всегда равная 200 талантам, распределялась между ценовыми группами, принадлежность к которым зависела от дохода, а внутри этих групп налог распределялся уже в зависимости от имущества каждого. Как считает Томсен, эта система существовала и в период Пелопоннесской войны и в IV в. до н. э. Основой для обложения в симмориях были индивидуальные декларации плательщиков, на основе которых специальные *ἐπιγραφαὶς* определяли размеры индивидуальных платежей.

В 378/7 г. в связи с переломом во внешней политике Афинского государства понадобилась новая, более совершенная организация и эйсфоры — налога, связанного прежде всего с военными нуждами. Произведена была перепись облагаемого имущества, что дало 5 750 талантов, но налог исчисляли из расчета 6 000 талантов. Появилась новая единообразная система, при которой все стали платить налог в одинаковой пропорции, равной $\frac{1}{36}$ своей *timema*. Деление на ценовые классы отпало. Число симморий увеличилось до 400. Эта равномерность в распределении налога, мало соответствующая политике демократического правительства Афин (*«is not what one would expect»* — стр. 205), объясняется тем, что накануне войны со Спартой важно было усилить патриотизм богатых, ослабевший в период Пелопоннесской и Коринфской войн, и сплотить все группы гражданского населения. Прогрессивная система обложения, существовавшая в V в. до н. э., была заменена пропорциональной в интересах более богатых плательщиков. Однако эта равномерность в распределении бремени продолжалась недолго. Вскоре была введена проэйсфора, которая увеличила бремя наиболее богатых плательщиков и избавила государство от забот по сбору недоимок.

Наконец, последнее изменение в системе эйсфоры, по мнению Томсена, произошло в середине IV в. до н. э., после поражения Афин в Союзнической войне и вынужденного отказа от активной внешней политики. Отныне эйсфору стали взимать не в размере 200 талантов, а в виде определяемого каждый раз процента от общеафинской *timema*.

Нарисованная Томсеном картина эволюции эйсфоры не всегда соответствует свидетельствам источников, и мотивировка предполагаемых им перемен не всегда убедительна. Так, нет оснований полагать, что эйсфора была введена уже при Фемистокле. Единственным доказа-

тельством существования эйсфоры ранее 428/7 г. является фрагментированная надпись, датируемая 30-ми годами V в. до н. э., где слово *ἔσφορος* восстанавливается³². Для более раннего периода нет даже и такого свидетельства. В период успешной борьбы против персов, по-видимому, и надобности в таком налоге не было, и вряд ли была возможность создать постоянно действующую систему сбора его. Эйсфора бесспорно входит в систему, начиная с 428/7 г. до н. э. Бесспорно и то, что в 378/7 г. произошли какие-то изменения в организации сбора налога, но предполагаемый Томсеном переход от прогрессивной системы к пропорциональной не подтверждается античной традицией. Более того, из слов Демосфена о высокой расценке, по которой платили богачи (XXVII, 7; XXVIII, 4, 11), скорее следует, что расценки в симмории были различными для разных категорий плательщиков. Объясняя введение уравнилительной системы стремлением поднять угасший патриотизм богачей, Томсен тут же постулирует введение проэйсфоры, которая должна была свести на нет эту уступку. Как уже было сказано, Томсен не сумел доказать ни что эйсфора с 428/7 г. до середины IV в. до н. э. взималась в размере 200 талантов, ни что в 378/7 г. появилось 400 симморий.

Рассматривая вопрос о социальном аспекте эйсфоры, Томсен пытается определить число граждан-плательщиков налога. Для периода Пелопоннесской войны он насчитывает их немногим больше 20 000 (стр. 162—164). По его мнению, бремя налога было тяжким для I и II ценовых классов, плативших каждый раз соответственно 100 и 50 талантов из 200, и легким для III класса, платившего всего $16\frac{2}{3}$ таланта³³. Декреты об эйсфоре легко проходили при поддержке зевгитов и ничего не плативших фетов. Это ослабляло патриотизм богатых плательщиков, что было учтено в реформе 378/7 г., но ненадолго — до введения проэйсфоры. Недовольство эйсфорой, как полагает Томсен, связано было с тем, что афиняне не привыкли платить прямые налоги и, кроме того, богатые граждане обременены были еще литургиями. Это усиливало антивоенные настроения и в конце концов привело к падению независимости Афин.

³² B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor, *The Athenian Tribute Lists*, Cambr. Mass., I, 1939, стр. 160 сл.; II, 1949, стр. 46.

³³ Томсен присоединяется к общему мнению, что бедняки (как граждане, так и метеки) не привлекались к эйсфоре, но считает невозможным определить минимальный ценз, освобождавший от налога, и отвергает предлагавшиеся цифры — 25, 20 и 18 мин.

Рассмотрение социального аспекта эйфоры в работе Томсена носит слишком суммарный характер. Здесь нет детального анализа имеющихся свидетельств³⁴. Все богатые (well-to-do) оказываются в лагере олигархов и настроенными пацифистски. Игнорируется тот бесспорный факт, что состав богатых афинян был весьма неоднородным и многие из них поддерживали демократические порядки и активную внешнюю политику Афин. Наряду с уклонением от литургий и утайкой имущества, засвидетельствованных случаев, когда богатые афиняне тратили на общественные нужды больше, чем от них требовало государство. Простое деление на богатых и бедных, без попытки дифференциации их, приводит к схематизму и упрощению картины политической жизни Афин и V и особенно IV в. до н. э.

Хотя Томсен в заключении и заявляет, что он разъяснил основные принципы эйфоры до и после 378/7 г. до н. э. и показал, что не следует отчаиваться при загадочных местах в античной традиции, его обширное исследование не привело к окончательному решению всех трудных вопросов и разъяснению темных мест в источниках. Нельзя считать, что все трудности уже позади. И тем не менее нельзя согласиться с уничтожающей оценкой работы датского ученого, кото-

рую дал в своей краткой рецензии Сент-Круа³⁵. Томсен не разрешил до конца поставленных наукой вопросов, многое в его гипотезах спорно или вовсе неубедительно, но его заслуга заключается в том, что он обобщил и критически рассмотрел весь имеющийся материал античных свидетельств и многочисленные теории, появившиеся в результате длительных поисков. Не соглашаясь с гипотезами Томсена, в то же время нельзя не воздать должного остроумию и находчивости автора. Невольно возникает ощущение, что он приблизил нас к решению трудной задачи. Его работа как бы подводит черту под целым большим периодом исследований, собственная его теория, при всей своей спорности, будит мысль и толкает на новые поиски. Загадки афинской эйфоры пока не решены, к этой проблеме следует возвращаться вновь и вновь. Книга Томсена, безусловно, будет полезна и интересна всем будущим исследователям афинской эйфоры и многочисленным связанным с ней вопросам истории Афин V—IV вв. до н. э.

Л. М. Глускина

³⁵ Cl. Rev., N. S., XVI, 1966, № 1, стр. 90—93. Так, например, справедливо отвергая гипотезу Томсена о 400 симмориях с timema в 15 талантов каждая, Сент-Круа безосновательно критикует его мнение о том, что метеки платили $\frac{1}{6}$ налога. Положительная в общем оценка дается книге Томсена в краткой рец. В. Treucker, «Gnomon», 38, 1966, стр. 521—522.

³⁴ Интересный материал в этом плане содержится в XXII и XXIV речах Демосфена. Ср. Глускина, ук. соч., стр. 31—35.

JAMES DAY AND MORTIMER CHAMBERS. *Aristotle's History of Athenian Democracy*, Berkeley and Los Angeles, 1962, 219 стр. (University of California. Publications in History, vol. LXXIII)

С давних пор борются между собой две точки зрения на научное творчество Аристотеля в области истории и государственного управления. Кем был Аристотель — собирателем и истолкователем реальных фактов, строившим на основании изучения действительности свои общие выводы, или создателем априорных схем, под которые он подводил явления исторической действительности? Оба ответа нашли в науке нового времени своих защитников. Одни без колебания говорят о педанте, втискивающем все богатство реальной исторической жизни в узкие рамки теоретических построений, другие с меньшей уверенностью изображают основателя Ликейя подлинным ученым, строящим свои теории на основании изу-

чения явлений природы и жизни человеческого общества.

Не избежало двойственного отношения к себе и одно из самых поздних произведений Аристотеля — его Афинская Политика. Опубликование считавшегося на веки утраченным и внезапно обретенного трактата вызвало сначала неумеренные восторги, затем разочарование, вылившееся порою в сильные (впрочем, необоснованные) нарекания.

С тех пор можно проследить в исторической и филологической науке две линии: одну — благоприятную для репутации Аристотеля как историка, другую — неблагоприятную. Представители второго направления обвиняют Аристотеля в тенденциозности, склонности к априор-